

СНОВА НА ДРЕЙФУЮЩЕМ ЛЬДУ – «БАРНЕО-2012»

Найти на карте Барнео невозможно – это временный ледовый аэродром в районе Северного полюса, который существует каждый год всего 4–5 недель в марте–апреле. У него координаты всегда разные, буквально каждый день новые. А вот тропический остров Борнео нам известен очень хорошо со школьной скамьи, он никуда не перемещался и найти его можно без проблем между Тихим и Индийским океанами. С легкой руки полярных летчиков из известного арктического поселка Хатанга взлетно-посадочную полосу на дрейфующих льдах Северного Ледовитого океана, которую они строили с далеких советских времен каждый год для целей прыгающих научных экспедиций, стали в шутку называть «Бо(а)рнео». Никто не акцентировал, какая буква должна быть второй – «о» или «а». Приклеилась кличка, ну и ладно, тем более в бумагах это слово никак не упоминалось. Устный фольклор своеобразный. Любят полярники пометать о теплых краях. Было это в середине 90-х годов прошлого века.

Приятно сказать, что первую туристическую группу на Северный полюс посчастливилось привести мне вместе с моим канадским товарищем по полярным экспедициям Ричардом Вебером. Случилось это в 1993 году. Нам надо было готовиться к автономному лыжному переходу Канада – Северный полюс – Канада. Но дорого это – лететь на дрейфующие льды для тренировок. Вот и придумали мы вариант с привлечением туристов, которые смогут оплатить немалые расходы. Хоть дело и хлопотное, и ответственное, но оказалось интересным. Правда, первые проекты мы делали с вертолетчиками из Диксона, а уж потом узнали о ледовых аэродромах хатангцев, которые первоначально занимались парашютистами. Прыгали на полюс десятками, правда не всегда удачно – иногда и ноги ломали в торосах, все бывало. Но энтузиазма это любителям полярного экстрима не убавило. Даже наоборот. С 1996 года, с нашим с Ричардом появлением, лыжники прочно закрепились на Бо(а)рнео и со временем стали основной туристической группой. Кроме них, на льды полетели подводники, марафонцы, воздухоплаватели, кайтисты, туристы на собачьих упряжках, представители малой авиации, просто посетители Северного полюса на один час и т.д. Примерно тогда же в этом частном лагере появились и первые ученые. Через несколько лет, с развитием полярного туризма, встал вопрос об уточнении букв «о» и «а». Легкую ностальгию полярников о южном острове оставили мечтой, а реальностью стал ледовый лагерь Барнео, который уже был известен в мире любителей-полярников всех стран. Думаю, это хорошая история для увлекающихся топонимикой исследователей.

Кстати, не надо искать государственного следа в организации Барнео. Инвестиции в строительство полосы и поддержание ее в рабочем состоянии – дело бывшего полярного штурмана москвича Александра Орлова. Его и риски, и ответственность.

Ледовый лагерь Барнео.
Фото С. Пантелеева.

Именно с его подачи основная база для доставки людей в район полюса была перенесена из России на Шпицберген. То есть организация процесса – с российской территории, а клиент едет из Норвегии – так проще и цивилизованнее. Конечно, теряются потенциальные российские деньги, но что делать, если на собственной территории нет достойной инфраструктуры для приема людей, желающих комфорта после экстремальных приключений.

Постройка ледового аэродрома – задача архисложная и ответственная. Сначала вертолеты (как правило, два Ми-8 из Красноярского края) долетают до района Северного полюса. Получив подброс горючего на парашютах с самолета, они ищут подходящую льдину для строительства взлетно-посадочной полосы. Вслед за этим мощные грузовые Ил-76 сбрасывают на выбранное место трактора и вновь горючку – теперь уже на весь сезон. Здесь же десантируются и участники строительства аэродрома – отчаянные парни из поисково-спасательной службы и трактористы. Они обустроиваются и круглосуточно строят полосу совместно с вертолетчиками.

И только после этого со Шпицбергена вылетает прибывший из Москвы самолет Ан-74 с техническими специалистами, которые разворачивают многофункциональный лагерь для себя и прибывающих клиентов – туристов и ученых. В общем, целая войсковая операция.

В этом году она затянулась по ряду объективных причин – низкие температуры (до -42°C), поломки техники, старая неровная льдина. Вместо обычных трех-четырёх дней основная команда Барнео просидела на Шпицбергене десять дней, что привело к уплотнению графика всех работ, но, по правде, ничего не отменило.

Итак, на льдину мы прибыли 4 апреля, с недельным отставанием, а закончиться сезон должен 24-го. Дел для трех недель невпроворот.

Ледовый лагерь Барнео – самый северный в мире аэродром. Самое близкое расстояние, на которое льдина подъезжала к полюсу, – около 30 км. Но последние две недели арктический дрейф активно гнал нас на юг. К концу сезона до полюса уже было более ста километров. Отдельные броски превышали 10 километров в сутки – это очень быстро. Как утверждали ученые, наша льдина перемещалась в

среднем около 6 см в секунду. На глаз не заметишь, но спутниковый навигатор не обманешь.

Аэропорт наш небольшой. Взлетно-посадочная полоса сделана с большими усилиями смелыми и сильными людьми под руководством Дмитрия Плаголева. И если Дмитрий – профессионал-спасатель, то большинство из его команды – парашютисты-любители из различных регионов России. Если бы все российские специалисты были такими же любителями, как эта команда, уверен, страна наша забот бы не знала. Север халтуры не принимает и не прощает. Когда смотришь на эту километровую полосу, расчищенную до пакового льда, а вокруг высоченные торосы, тонкий лед, который периодически ломается и видны черные разводы воды, – все это производит колоссальное впечатление. Особенно с высоты птичьего полета, то есть из иллюминатора вертолета. Дикий лед становится как-то уютней, одомашнивается, что ли. Это творение рук человеческих в таких необычных условиях вызывает огромное уважение. С другой стороны, неоднократно с грустью ловил себя на мысли, что с появлением нефтегазовых платформ и вышек рядом с дрейфующими льдами уйдет первозданность края, не говоря уже об экологии. Не хотелось бы.

Несмотря на свои небольшие размеры, аэродром оборудован по всем правилам и требованиям к полетам. Огней освещения, правда, нет, да и необходимости в этом нет – полярный день. А вот маркировка темными мешками и, при необходимости, сигнальные файеры присутствуют. Группа руководителей полетов отслеживала состояние взлетно-посадочной полосы и держала контакт с самолетами, которые прилетали на Барнео. Руководители полетов – опытные люди: очень хорошее сочетание московского РП Игоря Тимофеева из аэропорта «Внуково» (очень важно знать английский язык) и работника аэропорта далекой Хатанги Владимира Круглова. На них была огромная ответственность: не сделать ошибку при приеме самолета, дать правильно погоду, регулярно отслеживать состояние полосы – ведь лед в любой момент может сломать (и такое бывало не раз в предыдущие сезоны). И с этой задачей они справились, полоса успешно достояла до конца сезона, не поддавшись колоссальному давлению арктических льдов и ветров.

Два тракториста, два Николая из Москвы и Хатанги, Ведянин и Черных, – главные строители аэродрома вместе с десанниками. Их задача была чистить полосу, поддерживать ее в рабочем состоянии, готовить места под лагерь, склады, транспортировать грузы. Особенно им досталось в самом начале, когда морозы были за 40 градусов и два трактора ДТ-75 явно капризничали и не всегда заводились. Несмотря на это, в тяжелейших условиях трактористы все-таки работали. Когда я первый раз прибыл на Барнео, то прежде всего обратил внимание на следы обморожений на щеках этих парней. Это было свидетельство тех трудностей, которые пришлось пережить. Нам, «поздноприбывшим», тоже посчастливилось поработать с ломом и бензопилами (очень хорошо режут лед, правда, ледяной пыли много) по увеличению размеров взлетно-посадочной полосы. Работа, скажу, не для слабых.

Полоса не пустовала. Кроме арендованного экспедицией, совершенно потрясающего по своим техническим возможностям самолета Ан-74, полосу посещали самолеты Ан-72 пограничной службы, которые прилетали сюда не со Шпицбергена, а с погранзаставы на Земле Франца-Иосифа. Как ни странно, из далекой Канады прилетел и несколько дней базировался знаменитый самолет «Двойная выдра» с тремя специалистами на борту. Это была группа американских ученых, которые используют самолет Twin-Otter для своих работ. Их район исследований достаточно большой, целесообразней и дешевле использовать авиационную технику из Канады, нежели российские вертолеты Ми-8. Канадскому пилоту Джиму, которого я встречал на севере Канады и даже в Антарктиде, нравится Барнео, прилетает он сюда с удовольствием. «Кормят всегда хорошо, и люди приветливые», – говорит Джим.

Постоянно базировались на Барнео два вертолета Ми-8 с экипажами из Красноярска, из предприятия «АэроГео». Ими руководил заместитель генерального директора этого предприятия Андрей Никифоров. Наша работа происходила совместно с летчиками, поскольку прилетавшие сюда и ученые, и туристы, конечно, нуждались в основном в поддержке вертолетами. Полеты бывали практически каждый день, за исключением непогоды. Пару дней над Барнео висела белая мгла, видимость была минимальная – несколько сот метров, периодически шел снег. На командиров экипажей все смотрели, как на волшебников. И Виктор Ятин и Геннадий Герасименко этому всегда соответствовали. Пройдя маршрут до полюса, ждешь вертолета как манну небесную. И он действительно сваливается с небес в самое нужное время, мгновенно возвращая тебя из полярной сказки в цивилизованный реальный мир.

Этот самый северный в мире небольшой аэропорт – реальные ворота в «высокую» Арктику. Прилетай и делай, что планировал. Но не забывай, что ворота в любой момент могут закрыться и вот тогда будет много непонятного. И хоть полярники люди не суеверные, но всегда облегченно вздыхают, садясь в последний в сезоне борт, – повезло! Действительно, в этом году льдина потрепала нервы на стадии строительства полосы, но, по выражению руководителя полетов Владимира Круглова, «сезон продержалась хорошо». Что интересно, несколько недель спустя после завершения сезона, полоса еще «жила», несмотря на то, что льдину активно уносило в Гренландское море. По рассказу доктора Барнео Станислава Боярского, несколько лет назад в августе, когда он был врачом на атомном ледоколе, они неожиданно встретили совершенно целую взлетно-посадочную полосу, которую покинули чуть более трех месяцев назад.

Барнео первоначально планировался как база для организации туристических поездок на Северный полюс, причем в различных вариантах. Но, оценивая нынешнюю деятельность Барнео, можно однозначно сказать, что сейчас это больше временная научная станция, нежели платформа для туристов. В этом году научная активность была достаточно заметной. Можно привести такие цифры: в предыдущие сезоны на Барнео устанавливали 3–4 буя различного назначе-

ния, которые передавали информацию в течение долгого времени уже после прекращения деятельности ледового лагеря. В этом году таких буйев только на территории станции располагалось 11. Буи устанавливали ученые разных стран: России, Америки, Норвегии, Франции, и это еще не все.

Самыми активными были американские ученые, которых возглавляет как менеджер старый полярный волк Энди Хейберг из Сиэтла. Ему 74 года, но его здоровью и энергии позавидуют любые молодые полярники. В лагере его с любовью называют «Эндик», хотя по его размерам правильнее было бы звать «Эндище». Знаю его уже лет двенадцать и всегда удивляюсь его умению грамотно спланировать и организовать работу. В этот раз он привез около 4 т грузов в ледовый лагерь. Кроме окрестностей Барнео, американские буи теперь раскиданы по большой акватории Северного Ледовитого океана. Уже упоминавшийся самолет Twin-Otter регулярно в 10 часов взлетал и прилетал поздно вечером в лагерь. За это время он успевал облететь несколько точек в Северном Ледовитом океане в различных направлениях: в направлении острова Врангеля, в направлении Северной Земли, в направлении Канады. Везде, с промежутками примерно 100–110 километров, оставлял буи, которые давали различную информацию ученым. Иногда бурили лед, и научные приборы опускались сквозь двухметровую толщу на различные глубины. Самое низкое место, которого достигал прибор американских ученых, – около 4 километров, это было в районе Северного полюса. Они, кстати, в прошлом году оставили точно на географическом Северном полюсе Земли свой прибор, данные с которого накапливались в течение года. В этот раз эти данные во время полета на российском вертолете Ми-8 были собраны через специальную скважину во льду – процесс, который занял около 4 часов.

Приятно сказать, что активность российских ученых также была высокая. Во многом, конечно, благодаря их руководителю Сергею Писареву из Института океанологии имени П.П.Ширшова РАН (Москва, Россия). Ребята всегда были заняты. Да и на полюс для личной фотографии с попутным рейсом вертолета никто не просился, что меня удивило. Кроме традиционных гидрологических исследований по измерению солености воды, температуры, плотности, скорости течения, проводились измерения солнечной радиации в этом месте Северного Ледовитого океана. Данные очень важны для понимания процессов изменения толщины ледового покрова: за счет чего он происходит – то ли за счет теплых вод Атлантического океана с нижней поверхности льда, то ли за счет солнечной радиации сверху. Это серьезное исследование. Особенно порадовали седиментологи – люди, которые изучают присутствие инородных субстанций на поверхности снежного покрова, в воде и в ледяной толще. Порадовали тем, что серьезных токсических отходов промышленности выходящих к Северному Ледовитому океану стран они не обнаружили. Хотя были обнаружены частицы из пустынь Китая и других удаленных от Северного полюса регионов.

Деятельность французских ученых была сконцентрирована на конструировании и испытании различного рода буйев. Они все экспериментальные, хотя получают те же самые данные, что и буи российских и американских ученых. Конструкции очень разные и по форме разнообразны: в виде цилиндров, в виде бочонков или еще более экзотических форм. Оставляли ученые на льду и дрейфующие метеорологические станции со спутниковыми телефонами и приемниками системы GPS, которые в течение нескольких месяцев будут давать общие сведения о природе Северного Ледовитого океана до момента, пока лед не растает или выплывет куда-либо в Гренландское море. Весь ледяной массив дрейфует по направлению к проливу Фрама, что недалеко от Гренландии.

Два французских любителя занимались реальной научной работой по заданию ученых. Их лагерь был разбит в полутора километрах от Барнео, и они занимались сбором снега, воды и льда из различных точек. В связи с отсутствием опыта передвижения по дрейфующим льдам, мы порекомендовали им расположиться с подветренной стороны и недалеко от лагеря, в пределах нашей льдины. Они каждый день звонили на станцию и сообщали свои координаты, хотя я в бинокль мог наблюдать их палатку. Но безопасность есть приоритет, и я в этом лишний раз убедился, увидев в конце сезона совершенно измученные лица парней, хотя они просто сидели в своем лагере.

Интересные исследования в этом году впервые провели представители научно-исследовательского института геодезии, аэросъемки и картографии имени Ф.Н.Красовского (Москва, Россия). Известный ученый Сергей Миронов в течение двух недель измерял параметры навигационных спутников и американской системы GPS и отечественной системы Глонасс. Затем Сергей сравнивал количество спутников, характер сигналов, которые они подают, и показывал нам интересные данные. Оказывается, что во время посадки самолета Ан-74 наша льдина смещалась суммарно на несколько метров. Это на какое-то время меняло направление ее дрейфа. По мнению Сергея Анатольевича, его результаты могут способствовать созданию системы точной навигации, которая позволит в режиме реального времени обеспечивать посадку летательных аппаратов в любых метеоусловиях, контролировать передвижение людей и техники, а также выводить данные на интеллектуальную карту. Эти данные получены впервые, и понятно, что они могут иметь серьезное прикладное значение для различных видов деятельности людей в Северном Ледовитом океане.

Комплекс исследований достаточно широкий. При этом не стоит забывать, что они проводились в суровых условиях. Несмотря на вторую половину апреля, на Барнео была зима, температура в основном, ниже -20°C . Тянул ветер. Но это не помешало нам в перерывах между работами заняться спортом, а конкретно – волейболом. Наша рязанская команда в лице моих сыновей Михаила и Алексея проявила инициативу. Ребята построили настоящую волейбольную площадку, натянули сетку, и периодически

проходили достаточно жаркие баталии в этих холодных местах. Приятно сказать, что российская сборная уверенно одерживала победы и над сборной мира, и над сборной Европы. Так бы вот на Олимпиадах!

Туристический сезон на Барнео был насыщенным. База, которая создавалась для желающих посетить Северный полюс пешком, или на собаках, или на каких-то летательных аппаратах и просто для людей, жаждущих сфотографироваться на северной вершине планеты, используется сейчас, как я уже рассказывал, с весьма различными целями. Но все равно главный привлекательный момент – это люди путешествующие. В этом году более 200 человек изъявили желание посмотреть на Северный полюс.

Самой значительной группой оказались, как ни странно, любители пробегов на длинные дистанции. Их набралось 50 человек. Организатор шотландец Ричард Донован был очень доволен. В предыдущие годы только один самолет прилетал с марафонцами. В этом году их было два. Представители 9 стран, среди них была наша соотечественница, правда, живущая ныне в Финляндии, которая очень эффектно пробежала 42 километра. Что интересно, пробег проходил в ночное время, хотя определить день и ночь на базе крайне сложно. Старт, назначенный на 10 часов вечера под яркими лучами полярного солнца, трудно назвать ночным пробегом. Но мы жили по времени норвежского поселка Лонгйир, что на далеком Шпицбергене, а в Москве это был час ночи. 12 часов потребовалось 41 участнику, чтобы преодолеть полярный марафон. Трассу Ричард подготовил непростую – и по мягкому глубокому снегу, и через торосы, и по открытому продуваемому ветром льду. Десять кругов, каждый более 4-х километров.

Сорок первым стал член десантной группы, которая организовала строительство взлетно-посадочной полосы, Юрий Вавулов, хирург из Смоленска. Он достойно представил Россию в этом уникальном забеге – пересек финишную черту семнадцатым из 41 участника. По традиции российских десантников Юрий сорвал с себя майку и финишировал с голым торсом, с двумя гордо поднятыми над собой флагами – России и ВДВ в каждой руке под овации всех свидетелей необычайного зрелища. Десантники подняли на руки своего героя и отнесли в палатку праздновать радостное событие. Рекордное время – чуть более 4 часов – показал выносливый молодой ирландец, который буквально

рухнул на последних метрах дистанции. Пришлось чуть ли не нести его в палатку и приводить в чувство. Но через 10 минут, погревшись у трубы, нагоняющей горячий воздух, попив горячего чая, он пришел в себя и уже сам помогал следующему финиширующему. Эффектным оказался пробег американского доктора мисс Роды Джонес. Эта тридцатилетняя негритянка не смогла бежать все время, но она мужественно пробежала-прошла свои 42 километра по льдам Северного Ледовитого океана и под общие восторги пересекла финишную черту. Но самым неожиданным был финиш одной пары: молодой человек и его девушка из Великобритании преподнесли сюрприз всем. Молодой человек упал на колени перед своей напарницей и попросил ее руки. Это было большой удачей для всех съемочных групп. А самая тяжелая миссия была, как ни странно, не у марафонцев, а у доктора станции Станислава Викторовича Боярского, который все 12 часов, пока продолжался забег, должен был проверять каждого прибегающего и пробегающего, поскольку погода стояла холодная, около -26°C . Многие прибывали на пункт отдыха с белыми щеками или носом. Но в целом все прошло без особых проблем.

Лыжников тоже в этом году было достаточно много. Группы шли к полюсу различные расстояния: от 110 до 20 километров, что все равно было непросто и, главное, очень впечатляюще для участников. Интересно, в этом году много как лыжников, так и просто посетителей Северного полюса и многие – из России, что, конечно, радует.

Все лыжники, за исключением одной группы, успешно преодолели свой маршрут. Надо сказать, что дрейф льдов в районе Северного полюса был активным практически весь сезон, и поэтому группы начинали свой маршрут в точке, где дрейф был попутным. Это в большой степени определяло успех. Подготовка, снаряжение и опыт гидов были главными залогом успеха. Попутный дрейф – это несколько дополнительных километров в нужном направлении. Уверенней всех прошла группа российских школьников с Борисом Смолиным и Матвеем Шпаро. За 8 дней ребята преодолели 110 км и, прождав почти двое суток на Северном полюсе в палатке, были затем тепло встречены прилетевшей специально из Москвы командой журналистов и важных гостей во главе с известным полярным путешественником Дмитрием Игоревичем Шпаро. Я тоже участвовал в этом мероприятии. Было радостно видеть довольные лица мальчишек и девчонок, которым 15–16 лет, из пяти регионов России. Кстати, это была пятая молодежная российская экспедиция на Северный полюс.

Не повезло, как я уже говорил, только одной группе лыжников, которая стартовала непосредственно со станции Барнео и до Северного полюса не дошла примерно 10 миль в результате борьбы с дрейфом, который в эти дни оказался очень сильным: от 8 до 11 километров за сутки. Правда, эти парни сами виноваты: допустили массу ошибок и с

Установка самого тяжелого бую.
Фото С.Пантелеева

дрейфом, и с тактикой движения. Пожалуй, это были единственные недовольные полюсом в этом сезоне.

Несколько прыжков с парашютом совершили представители этого интересного вида спорта, причем большинство — российские. К сожалению, сильный ветер не позволил ребятам приземлиться непосредственно на географический Северный полюс. Поэтому вертолеты забирали их в километре-полтора от ожидавших журналистов и зрителей.

В этом году многие туристы активно принимают ледяные ванны, поскольку в лагере было две полыньи: одна — в лагере десантников, вторая — у пилотов вертолета. Практически все группы посетителей имели одного или двух представителей, решавшихся окунуться в воды Северного Ледовитого океана. Кстати, по данным наблюдений, поверхностная температура морской воды в районе станции может колебаться от $-1,5$ °C в самое теплое время года, до $-1,8$ °C в холодное. Самыми эмоциональными из всех оказались китайцы, которые отчаянно прыгали в прорубь и с громким криком выскакивали обратно на лед, напоминая мне пингвинов — они так же смешно выпрыгивают из воды и становятся прямо на лапки.

Просто посетителей полюса тоже было много — три самолета (в каждом — не менее 25 человек). Забавно было видеть группу из Японии — маленькие туристы в огромных теплых куртках сильно суетились и переживали, что на столбе-указателе на полюсе, символизирующем земную ось, не обозначено расстояние до Токио. Вертолетчики оперативно подсуетились, и вождь для японцев табличка была крепко приколочена сибирскими гвоздями к земной оси.

Группу важных персон привез сам Артур Николаевич Чилингаров. Депутаты, важные чиновники, другие статусные люди по-человечески радовались на полюсе, забыв о своих важных делах. В этом-то, наверное, и состоит притягательная сила Северного полюса: в естественной нетронутой природе человек становится чище, ближе к естеству. Не случайно поэт Андрей Вознесенский после посещения полюса написал: «Лечите душу голубым цветом льда». Замечательно сказано, правильно, подтверждаю. Право на такие слова имею — мне посчастливилось за всю свою полярную карьеру прожить на дрейфующих льдах Арктики более 500 дней.

Еще одна интересная функция ледового лагеря Барнео — логистическая. Я уже упоминал о канадском самолете, который использовал полосу для выполнения научных работ в отдаленных точках Северного ледовитого океана, которые малодоступны из Канады или США. А вот сотрудники ААНИИ из Санкт-Петербурга дважды вертолетами с базы Барнео летали на дрейфующую научно-исследовательскую станцию «Северный полюс-39» для смены личного состава и с научными целями. Дело в том, что СП-39 сейчас у берегов Канады, и из России ее достичь почти невозможно, да и взлетно-посадочной полосы у полярников нет. Начальник Высокоширотной арктической экспедиции ААНИИ Владимир Тимофеевич Соколов был доволен, он оба раза лично участвовал

в этих довольно утомительных перелетах (более 700 километров в один конец).

Не могу не сказать об интересной, достойной внимания особенностях, замеченной мной в этом году. Речь идет о преемственности поколений полярников. Судите сами. Доктором лагеря уже много лет является Станислав Боярский, сын Виктора Боярского, директора музея Арктики и Антарктики, опытного российского полярника, участника многих знаменитых экспедиций. В техническом составе Барнео много лет работают Сергей Пантелеев и Сергей Орлов — сыновья инвестора лагеря полярного штурмана Александра Орлова. Артур Чилингаров прилетал на полюс в этот раз со своей дочерью Ксенией. Поваром работал Иван Симонов, сын полярного гида Виктора Симонова из Карелии. Матвея Шпаро на полюсе приветствовал отец, мой давний полярный товарищ Дмитрий Шпаро. Помощником гида был Леонид Пленкин, сын полярного аса, пилота вертолета Александра Пленкина. Иностранцы, кстати, тоже не отстают. Гиды Рик Швайцер из США, Ричард Донован из Великобритании и Инге Фулио из Норвегии привозили своих дочерей на полюс, и все они остались чрезвычайно довольными. Ну, а я вообще был счастлив. Два моих сына, Михаил и Алексей, отработали со мной весь сезон в качестве помощников и считают это ярчайшим событием. Вот он, полярный вирус, закрепленный уже на генетическом уровне. Может, и вправду у нас есть шанс сохранить Арктику нетронутой, если молодежь выбирает ПОЛЮС?

А завершался сезон необычно. Последним рейсом самолета прилетели два молодых человека — норвежец и эстонец — с четырехметровыми пластиковыми байдарками. Они решили отправиться со стороны полюса на лыжах с этими байдарками в направлении Шпицбергена, где расположена стационарная база экспедиции Барнео. Путь длиной более чем 1100 километров путешественники планируют преодолеть за 2 месяца. Это очень смелая задача, поскольку подобных переходов пока еще никто не совершал. А байдарка нужна для того, чтобы преодолевать огромные пространства открытой воды, которые ожидают ребят у архипелага Шпицберген. Все-таки интересно — сезон закрылся, а дело Барнео продолжается.

*Михаил Малахов,
экспедиционный лидер «Барнео-2012»,
Герой России, почетный полярник*

Полярный марафон — серьезное испытание.
Фото М.М.Малахова.